

ДИНАМИКА НОМИНАТИВНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

© 2015 Е.Р.Левенкова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 06.04.2015

В статье обсуждаются такие типы вариативной номинации, как эвфемизация и дисфемизация, проявляющиеся в вербализации агональности в профессиональном политическом дискурсе Великобритании и США в период 2001 – 2014 гг. Устанавливается дискурсивная специфика переименований в ходе анализа специализированных и неспециализированных единиц, описываются и сопоставляются механизмы номинации и приемы, обеспечивающие искажение реальности политиками.

Ключевые слова: политический дискурс, вербальная враждебность, эвфемизм, дисфемизм, типы номинации.

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес исследователей к языку политики. Политический дискурс изучает отрасль лингвистики, которую называют лингвополитологией, или политической лингвистикой. Данная дисциплина исследует то языковое выражение, которое получают в речи политиков отношения власти. Многообразие этих отношений раскрывают дискурсивные исследования, которые фокусируются на двух основных направлениях: во-первых, изучение характеристик дискурса, которые чаще всего ассоциируются с выражением, подтверждением, воспроизводством или вызовом социальной власти адресантов как членов доминирующих групп; во-вторых, выявление того, как дискурсивные структуры могут изменяться или зависеть от социальной структуры¹. В рамках первого направления дискурсивные характеристики могут включать в себя синтаксические структуры, выбор лексики, семантику пресуппозиций, риторические фигуры или аргументативные структуры. Второе направление изучает злоупотребление властью, которое может проявлять себя в языке только там, где есть возможность изменений или выбора: человека можно назвать «террористом» или «борцом за свободу» в зависимости от идеологии говорящего. Приемы злоупотребления властью в данной статье рассматриваются в рамках второго направления.

Политическая деятельность по существу является деятельностью вербальной. Это выражается в том, что говорящий, осуществляя речевые акты, тем самым совершает некоторые действия, способные изменить реальность. Конструируемая политиком лингвистическая реальность, или дискурсивный мир, может непосредственно воздействовать на мир реальный, иногда даже замещать последний. Поэтому современный политический дискурс нередко рассматривают как своего рода соревнование политиков, каждый из которых стремится добиться принятия другими своего собственного «мира». Эффективность навязывания политиком своего видения мира во многом определяется лексической системой языка: номинацией общественно-политических феноменов и процессов, языковой репрезентацией фрагментов политической действительности и субъектов политики, характером номинации ценностно-смысловых доминант дискурса. Семантические факторы, как отмечают отечественные и зарубежные лингвисты, во многом обуславливают эффективность речевого воздействия «языка власти».

В данной статье рассмотрение языка как инструмента социальной власти ориентированно на англоязычную традицию интеллектуально-культурной репрезентации мира политики и ее ведущие дискурсивные варианты: британский и американский. Концепция варьирования англоязычной политической коммуникации, базирующаяся на дискурсивно-когнитивной парадигме, позволила описать национальные варианты политической коммуникации в Великобритании и США с учетом единства англо-американского типа политической культуры и специфики риторических

⁰ Левенкова Елена Романовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков.

E-mail: levenkovaelena@gmail.com

¹ Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Дейк Т.А. ван; пер. с англ. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. – С. 22.

традиций каждой из стран². Британский и американский варианты политического дискурса, существование которых обусловлено территориальной дивергенцией глобального английского и историко-культурной спецификой дискурсивных практик в этой сфере, демонстрируют как общие, так и специфические черты.

Цель данной статьи – проанализировать вариативность специальной и неспециальной номинации в британском (БПД) и американском (АПД) политическом дискурсе в период войны с терроризмом (2001 – 2014 гг.), обращаясь к анализу политической эвфемизации и дисфемизации, а также тех изменений, которые отличают лексические инновации в политической коммуникации последних лет. Задача анализа процессов номинативного варьирования сочетается с выявлением основных средств и приемов переименования, используемых в публичной речи профессиональных политиков Великобритании и США в указанный период.

Материалом для исследования послужила институциональная коммуникация политических лидеров двух стран: парламентские речи, выступления в Конгрессе, инаугурационные речи, выступления на международных форумах. Дискурсивные фрагменты, являющиеся объектом сопоставления, относятся к периоду начала войны с терроризмом (2001 – 2004 гг.) и к периоду окончания десятилетней войны (2012 – 2014 гг.)

Актуальность сопоставительного изучения номинативного варьирования в англоязычном политическом дискурсе обусловлена как социальной значимостью и специфичностью исследования языковых проблем во взаимосвязи с политическими проблемами, так и выявлением конвергентных и дивергентных тенденций в национальных дискурсивных практиках в данном типе дискурса. Политический курс США, направленный на утверждение глобального лидерства и строительство мирового порядка, контролируемого Соединенными Штатами, привел к дальнейшему сближению с Великобританией, что делает проблемным направлением изучение номинативных средств обозначения врагов и друзей в новых условиях.

Политический дискурс проявляет себя в лексической детализации образующих его понятий в институциональной (профессиональной) коммуникации политических лидеров. На рубеже XX – XXI веков англоязычную политическую коммуникацию отличают дискурсивные реализации

разных типов номинативного варьирования. Наиболее исследованными являются такие типы переименования, как эвфемизация и дисфемизация³. В исследованиях по политическому дискурсу оба варианта номинации относят к выражению агональности: они воплощают борьбу либо за сохранение существующего положения вещей, либо за уничтожение существующего порядка. Цель эвфемизма – скрыть правду об отрицательных сторонах денотата, преуменьшить степень отрицательного признака, переключив оценочный знак с отрицательного на положительный. Исходное, табуируемое, наименование заменяется более приемлемым, чтобы завуалировать восприятие отрицательных сторон недискурсивного мира. Цель дисфемизма – преувеличить отрицательный признак. Оба типа номинативного варьирования представляют собой разновидность референциальной манипуляции, т.к. основываются на предположении о том, что изменение имени может придать новые свойства денотату.

Эвфемизацию рассматривают как прием устранения неприятного факта путем изменения способа его констатировать. Механизм эвфемизации описывается в терминах трансформаций, которые приводят к референциальному сдвигу и смещению прагматического фокуса. Под прагматическим фокусом исходного наименования понимается сема (или группа сем), мотивирующая отрицательную оценку. В процессе эвфемистического переименования происходит референциальный сдвиг, связанный с редукцией (изъятием) этих сем или сдвигом их на периферию значения⁴. Как результат, происходит либо снятие негативной коннотации, либо снижение интенсивности отрицательной оценки.

В британском и американском вариантах политического дискурса тематика эвфемистических замен в целом совпадает и является традиционной, так как к эвфемизации относится тенденция не говорить прямо о войне, агрессии, экономическом кризисе, социальных проблемах общества. Классическим примером подобной номинации является попытка замаскировать подлинную сущность обозначаемого при наименовании вооруженных конфликтов. Данные эвфемизмы образуют первую, наиболее репрезентативную группу лексем. Так, деперсонализация врага, лишение его человеческих

² Левенкова, Е.Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ / Е.Р.Левенкова. – Самара: ПГСГА, 2011. – С.8 – 9.

³ Allan K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K.Allan, K.Burridge. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. – 263 p.

⁴ Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И.Шейгал. – М.: Парадигма, 2004. – С.190.

черт и замещение его наименования абстрактными политико-философскими терминами широко используется как дискурсивный прием в англоязычной политической коммуникации уже в 1980-е годы. После событий 11 сентября 2001г. воплощению деперсонализации служит лексема 'terrorism', а также устойчивые словосочетания "war on terror" и "war on terrorism", которые выступают как своеобразные клише, позволяющие репрезентировать войну без убийства людей:

First, dealing with Al Qaida and Bin Laden in Afghanistan, and then the wider war on terrorism [Blair, 2001]; Confronting the threat posed by Iraq is critical to winning the war on terror [G.W.Bush, 2002].

Другой лексемой деперсонализации является "threat":

The threat comes because, in another part of globe, there is a shadow and darkness...where many millions suffer under brutal dictatorship; and where a fanatical strain of religious extremism has arisen, that is a mutation of the true and peaceful faith of Islam and because in the combination of these afflictions, a new and deadly virus has emerged. The virus of terrorism... [T.Blair, 18.07.2003].

Лексема "threat" по своей частотности конкурирует с лексемой "terror" и регулярно определяется ее производными. В вышеприведенном фрагменте дискурсивная деперсонализация врагов сочетается с символической метафорой «вирус терроризма». Символическая метафора действенна в ораторской речи, поскольку при сочетании имени конкретного с абстрактным конкретное выступает как чувственно воспринимаемая форма отвлеченной сущности. «Метафора символическая связана с глубинным свойством абстрактной сущности – ее недоступностью для зрения, ее умопостигаемостью, а также интерпретативностью, и проекция абстрактной сущности на предметную, наглядную является формой осознаваемости абстрактной сущности индивидуальным сознанием»⁵. Особенностью функционирования идеологических терминов, таких как "extremism, terrorism," является то, что переносного (образного) значения у них возникнуть не может, поскольку в их содержании нет той наглядной формы, которая могла бы актуализироваться в воображении. По мнению специалиста по функционированию абстрактных имен Л.О.Чернейко, абстрактное имя в метафорической номинации может быть только метафоризуемым, но не метафоризатором. Дискур-

сивная реализация политических терминов, например, их воплощение в метафоре болезни в БПД подтверждает это наблюдение.

К первой группе эвфемизмов относятся также переименования, которые представляют собой лексемы со смещением прагматического фокуса и увеличением референциальной неопределенности. Данный прием номинации можно проиллюстрировать лексемами *conflict, military action, struggle, the use of America's military* в британском (пример 1) и американском вариантах дискурса (пример 2):

1. We get sucked into a conflict, with all the devastation that would cause [Blair, 2004]; We did not want a conflict... We have tried to avoid it [Major, 1998]; Already, before September 11th the world's view of the justification of military action had been changing [Blair, 2004].

2. And that's why two administrations have stated that regime change in Iraq is the only certain means of removing a great danger to our nation. I hope this will not require military action, but it may. And military conflict could be difficult [G.W.Bush, 2003]. I have asked Congress to authorize the use of America's military, if necessary, to enforce U.N. Security Council demands [G.W.Bush, 2003].

Дискурсивные обозначения вуалируют определяющие атрибуты войны и представляют собой замену нежелательного наименования либо родовым термином ("war", "aggression", "invasion" – "conflict"), либо словом широкой семантики ("war" – "action", "mission", "operation", "use"). Неопределенность, размывание смысла как важнейший прием манипулирования представлен в риторике британских и американских политиков. Кроме того, снижению интенсивности отрицательной оценки служит такой прием, как целенаправленный подбор лексики с положительным коннотативным значением: ассоциативно-фонового и/или культурно-исторического характера. Примером может служить замена лексемы "war" на "battle" в риторике М.Тэтчер. Премьер-министр определяла войну за Фолкленды – последний архипелаг империи, представлявший собой пустынные острова с пастбищами для овец – как "battle", создавая, таким образом, ассоциации со славными и великими победами британцев: традиционными контекстами для лексемы "battle" в английском языке являются "the battle of Waterloo" и "the Battle of Trafalgar"⁶.

⁵ Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О.Чернейко. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – С. 207.

⁶ Dictionary of Contemporary English. 5-th ed. Longman: 2009. – P.125; Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000. – P.91.

Вторую тематическую группу эвфемизмов в нашем материале образуют лексемы, отличающиеся особой сложностью переименования. Сюда относятся глаголы и глагольные словосочетания, вуалирующие суть явления при номинации агрессивных и незаконных действий. Это, прежде всего, относится к эвфемизации в АПД акций возмездия после 11 сентября 2001 года. Первостепенное значение при обозначении действий, направленных на физическое уничтожение террористов, имеет референциальный сдвиг, связанный с редукцией сем «убивать» и «совершать преступление преднамеренно» лексемы “to murder” (“to commit the crime of killing someone deliberately”), позволяющий «не называть вещи своими именами»:

1. *More than 3000 suspected terrorists have been arrested in many countries. Many others have met a different fate. Let's put it this way – they are no longer a problem to the United States and our friends and allies (Applause.) [G.W.Bush, 07.01.2003].*

2. *One by one, the terrorists are learning the meaning of American justice [G.W.Bush, 28.01. 2003].*

Преднамеренное убийство социально неприемлемо, или стигматично, поэтому номинация насильственной смерти в АПД имеет сложную, двойную схему. В первом дискурсивном фрагменте табуируемый глагол “to murder” вуалируют штампы, затемняющие суть явления, когда речь идет о результатах деятельности американских военных (“they are no longer a problem”, “they have met a different fate”). О том, какая участь постигла этих врагов США, догадаться не трудно, так как при косвенном обозначении в сознании адресата обязательно устанавливаются ассоциативные связи между табуируемым процессом и процессом, с которым создается ассоциация. Как результат, значению эвфемизма свойственна семантическая двойственность. В данном случае косвенное наименование нежелательного процесса основывается на семантическом преобразовании, приводящем к увеличению смысловой неопределенности.

Второй фрагмент иллюстрирует ряд непрямых обозначений, в результате которых выстраивается следующая схема: “to murder – to punish – to show these merciless killers the meaning of justice”. Первым этапом такого переименования становится замена глагол “to murder” на глагол “to punish” в речевых актах угрозы (“all war criminals will be punished”). Прагматический фокус лексемы “to punish” составляют семы «наказывать, карать» (“to subject someone to a penalty for a crime, or fault”) и «причинять повреждения, вред» (“to injure; hurt”). Затем

происходит референциальный сдвиг, при котором семы глагола “to punish” замещаются семы лексемы “justice”, включающими «справедливость» (“the principle of moral rightness”) и «законность, правосудие» (“fair treatment in accordance to honor, standards, or law”). Таким образом, происходит поэтапное изъятие сем, мотивирующих отрицательную оценку, и формирование сложных, двойных схем эвфемизации. Данные схемы используются властью для конструирования манипулятивного образа действительности с подменой понятий.

Третью тематическую группу эвфемистических переименований представляют такие замены, в которых снимается коннотация социальной неприемлемости или нежелательной оценки:

older citizens – seniors, poor Americans – low-income Americans, most vulnerable citizens – children of prisoners; an unemployment account – a Re-Employment Account; air pollution legislation – Clear Skies legislation; anti-crisis policies – pro-growth policies [G.W.Bush, 21.06.2004].

Представленные примеры, относящиеся к одному выступлению президента Буша-младшего, позволяют выявить определенную специфику эвфемизации в АПД: ее ситуативный характер. Данные переименования отличает целостный подход: эвфемистическую номинацию получает не отдельный компонент ситуации, а большинство ее определяющих элементов. Так, перечисленные выше лексические замены обозначают разные слои «ущербного» населения и служат позитивной презентации трех насущных проблем внутривластной жизни США: безработицы, загрязнения окружающей среды, экономического кризиса. Подобное переименование компонентов ситуации в АПД – характерный признак творения дискурсивного мира, конструируемого властью для «улучшения» образа действительности и вуалирования остроты социальных проблем. В БПД эвфемизмы данной тематической группы в меньшей степени используются для дискурсивных переименований (например, “the less well-off regions”), а эвфемистическая номинация не носит ситуативного характера.

Другим типом номинативного варьирования, основанном на устойчивых изменениях семантики под влиянием экстралингвистических факторов, является дисфемизация. В англоязычной политической коммуникации дисфемизмы традиционно используются в связи с репрезентацией онтологического концепта ‘enemy’ и обозначением сторон в конфликтной коммуникации.

Наименование политического противника является важнейшим аспектом речевой номинации. Значимость второго члена оппозиции «свой – чужой» обусловлена тем, что «определение образа «врага» или «другого» является, во-первых, сущностно политическим актом и, во-вторых, необходимо для возникновения политического сообщества как такового. Изучение «другого» в мировой политике является настолько же необходимым занятием, как и анализ политических сообществ самих по себе»⁷. Репрезентация врага в конфликтной ситуации в БПД и АПД осуществляется, прежде всего, через лексему “the enemy” (“a hostile power or force”):

As we hunt down those terrorists who committed murder, they and not you are our enemies [T.Blair, 14.11.2001]; Our enemies have declared their intentions. [G.W.Bush, 02.09. 2004].

Понятие «враг» передают также существительные “opponent”, “adversary”, “foe”, которые могут быть квалифицированы как случаи специализированной относительной номинации, поскольку указывают на определенный вид соотношенности одного субъекта политического процесса с другим. Наряду с подобной номинацией, «враг, недруг» обозначается специализированными лексемами, которые позволяют политикам создавать необходимое смысловое поле, отличающееся отрицательной коннотацией. К специализированным дискурсивным переименованиям относятся ярлыки и дисфемизмы, конструируемые политическими институтами. В отличие от дисфемизма ярлык не только отражает какое-либо общественное явление, которое получает отрицательную оценку, но и обозначает его по признаку идеологической инородности⁸. В АПД такими специализированными переименованиями концепта “enemy” стали идеологические термины “rogue states” и “an axis of evil”. Термин “rogue states” («государства-изгои») был предложен администрацией У.Клинтона для обозначения группа государств, стремящихся к созданию ядерного оружия, поддерживающих международный терроризм и нарушающих права человека. После трагедии 11 сентября президент Дж.У.Буш стал активно использовать термин “rogue states”, объединив именуемые таким образом страны в мировую «ось зла»:

States like these (North Korea, Iraq, Iran), and their terrorist allies, constitute an axis of evil, arming to threaten the peace of the world. By seeking weapons of mass destruction, these regimes pose a grave and growing danger. They could provide these arms to terrorists, giving them the means to match their hatred [G.W.Bush, 29.01.2002].

Официальный термин “rogue states” представляется возможным определить как ярлык, поскольку он содержит отличительные признаки данного номинативного варианта: отрицательная оценка, общественная значимость, идеологизированность и субъективность. «Государства-изгои» – это ярлык-обвинение, к которому американская администрация прибегала как к аргументу в конфликтной ситуации. Идеологический концепт администрации Дж.У.Буша “an axis of evil” номинирует одну из главных доктрин внешнеполитического курса США в период войны с терроризмом. Однако в отличие от «государств-изгоев» этот политический конструкт представляет собой пример дисфемистического переименования, которое основано на гиперболизации отрицательного признака. Данный дисфемизм отражает повышение интенсивности отрицательной оценки и смысловой неопределенности при номинации врагов.

Анализ номинативного варьирования в период декларируемого окончания войны с террористическими организациями также включал заявленные тематические группы единиц, что позволило выявить динамику в дискурсивной номинации общественно-политических явлений. В период окончания десятилетней войны первая группа эвфемизмов, номинирующих вооруженное противостояние, демонстрирует стабильность состава:

Now, already, we've done much to shift our foreign policy following a decade defined by two costly conflicts. After years of war in Iraq, we've removed 100,000 American troops and ended our combat mission there [B.Obama, 12.06.2012]; It is supporting actions against Al Qaeda in Yemen – it is right to help those on the frontline [D.Cameron, 25.09.2014].

Лексемы, создающие смысловое поле неопределенности, по-прежнему позволяют вербально «улучшать» конфликтные и конфронтационные ситуации, возникающие в реальном мире. Вместе с тем, возросла роль деперсонифицированных обозначений “enemy” в БПД и АПД. Наряду с идеологическим термином “terrorism”, для эвфемистического переименования врага все шире используется специализированная лексема “extremism”:

⁷ Харкевич, М.В. Государства-изгои как образ «другого» в мировой политике / М.В.Харкевич // Полис. – 2009. – № 4 (112). – С. 99.

⁸ Дмитриева, О.Л. Ярлык в парламентской речи / О.Л.Дмитриева // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С.96.

I do not believe that the threat of Islamist extremism will be best solved by Western ground troops directly trying to pacify or reconstruct Middle Eastern or African countries [D.Cameron, 25.09.2014]; I do believe that it is the obligation of all leaders in all countries to speak out forcefully against violence and extremism [B.Obama, 25.09.2012].

Подобный вариант номинации позволяет совмещать четкую идеологическую конкретизацию, соответствующую духу времени, и апеллировать к абстрактному референту. Отметим, что концептуализация терроризма и экстремизма как заразной болезни, признаками которой являются «смертельная опасность» и «страдания», была введена Э.Блэром в 2002 – 2003 гг. Однако и сегодня данная метафора отличается устойчивостью и воспроизводимостью:

The root cause of this terrorist threat is a poisonous ideology of Islamist extremism [D.Cameron, 11.09.2014]; Muslims ...refused to take an oath of allegiance to ISIL's sick extremist world view [D.Cameron, 23.10.2014].

Сочетание процессов деперсонификации и метафоризации, приводящих к формированию устойчивых метафор-символов, отражает преемственность дискурсивных приемов в БПД. В речи лейбориста Э.Блэра и консерватора Д.Кэмерона семантику враждебности передает символическая метафора болезни.

Глагольная группа эвфемистических переименований, номинирующая агрессивные и незаконные действия, претерпела определенные изменения. Акции возмездия в АПД стали вуалироваться в меньшей степени: вместо косвенной номинации для обозначения действий по физическому уничтожению террористов стали употребляться глаголы-номинанты, например, лексема “to kill”:

After years of war against al Qaeda and its affiliates, we have dealt al Qaeda a huge blow by killing its leader, Osama bin Laden. Bin Laden was no martyr. He was a mass murderer who offered a message of hate [B.Obama, 12.03.2013].

Социальная неприемлемость насильственной смерти нейтрализуется в контексте речи функциональной номинацией врага (“murderer”). Данный вид номинации, указывающий на связь лица с выполняемым им действием, нередко усиливается негативными дескриптивами: “merciless killers”, “cold-blooded killers”.

Как показывает анализ институционального дискурса, из выделенных В.Г.Гаком типов номинации человека в речи (имя собственное, номинация гиперонимическая, а также демографиче-

ская, относительная, оценочная, местоименная и функциональная номинация⁹), задачи номинативного варьирования выполняют главным образом такие типы неспециализированной номинации, как относительная, функциональная и оценочная. Что касается специализированной номинации, то отказ от конструирования новых дисфемизмов политическими институтами сопровождается их обращением к более широкому использованию терминов идеологической ориентации, представленных названиями: “extremists”, “terrorists”, “mujahideen”, “jihadists”, “ISIL”. Эти субстантивные лексемы, попадая в агональный контекст, становятся достаточно общими ярлыками:

We agreed to intensify our efforts to address the threat of foreign fighters travelling to and from Syria, which is now the top destination in the world for jihadists [D.Cameron, 04.08.2014].

Группу традиционных эвфемизмов, нивелирующих коннотацию социальной неприемлемости или нежелательной оценки, дополняют лексические замены, положительно оценивающие европейские государства: “our group of states” – “the values of our group of democracies”. Номинация «себя» в АПД служит, с одной стороны, утверждению порядкообразующей роли США, а с другой, нивелирует оценку Америки как мирового агрессора:

“A land of liberty and opportunity; a global defender of peace and freedom” [B.Obama, 4.07.2013].

В целом, политические эвфемизмы представлены неспециализированной номинацией, которая сохраняет тенденцию к размыванию смысла, к семантической неопределенности и метафоричности.

Итак, в вариативном наименовании субъектов и явлений мира политики последних лет в БПД и АПД важную роль продолжают играть трансформации эвфемизации и дисфемизации. Отметим стабильность определенных тенденций, характерных для БПД и АПД: 1) сохранилась тенденция к деперсонификации врага; 2) традиционный характер носят сферы, нуждающиеся в «улучшении» денотата, т.е. очевидна общность тем табуирования; 3) ключевые метафоры, представляющие идеологических противников, остаются неизменными. Вместе с тем, семантика враждебности в эксплицитной форме представлена, в первую очередь, в АПД, где на долю дисфемизмов приходится около трети от общего

⁹ Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г.Гак. – М.: Школа Языка русской культуры, 1998. – С. 579.

количества знаков агональности. Реализуя оппозицию «свои – чужие», дисфемизмы включают специальные маркеры – термины идеологической ориентации, а также неспециализированные переименования, такие как функциональные и относительные номинации. Деперсонифицированные обозначения врага и метафоризация политических терминов сочетаются с целенаправленным подбором отрицательной оценочной лексики. Динамика номинативного

варьирования проявляется: в замене старых идеологических терминов на новые, отражающие «послевоенный» этап борьбы запада с исламистами; в отказе от семантической двойственности при номинации «актов возмездия»; в дискурсивном приеме сочетания процессов деперсонификации и метафоризации, приводящих к формированию устойчивых метафор-символов при номинации политических процессов и явлений.

NOMINATIVE VARIATION IN BRITISH AND AMERICAN PROFESSIONAL POLITICAL DISCOURSE

© 2015 E.R.Levenkova^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article deals with the study of nominative variation represented by euphemisms and dysphemisms which reflect agonistic strategy in British and American political discourse in 2001 – 2014. While focusing on different types of nomination, the study discloses the character of enmity representation through specific and nonspecific units.

Keywords: political discourse, verbal hostility, euphemism, dysphemism, types of nomination.

---

^o Elena Romanovna Levenkova, Doctor of philology, Professor of Department of English language and methods of foreign language teaching. E-mail: levenkovaelena@gmail.com